

ИЗ КНИГИ «ЧУЖИЕ КАМНИ»

Публикуется по: <http://www.vavilon.ru/texts/gorbanevsk/gorbi1-5.html>

* * *

Воздыхатели вздыхали,
кланялись поклонники,
а цветы стояли в зале,
как на подоконнике.
В белом платье, в туфлях черных,
как в системе знаковой,
чтобы кто-нибудь ученый
рюмками позвякивал.
Воздыхатели вздыхали,
поклонники плакали,
а цветы не засыхали,
как живые на поле.
В белом платье, с черным бантом,
с челюстью подвязанной,
чтоб наемным музыкантам
заработать на зиму.
Воздыхатели взлетали
легче пуха летнего,
выше Леты, над цветами,
к дню Суда последнего.

* * *

Мы плыли вдаль, и вглубь,
и удивлялись,
что темный вал еще не поглотил,
и на порогах родины являлись
теньями утопающих светил.

Мы плыли вокруг,
как звезды в хороводе
по кудринскому куполу скользя,
хронометры сверяли по погоде
и научились говорить «нельзя»
себе одним, раскручивая якорь,
себе самим, забрасывая лот,
себе, готовым всхлипнуть
и заплакать,
своей рукою зажимая рот.
Мы плыли. Не доплыли, не приплыли,
но выплывали, погружались, вновь
выныривали из колючей пыли
соленых брызг, из толщи водяной,
из водорослей, радуг и планктона,
из чащи вёсел, пересвиста пуль,
теряли курс, ложились в дрейф,
и снова
руке неверный подчинялся руль.

* * *

Основа жизни, основанье сил
на выживанье, белая надежда
слепых очей, остатняя одежда
плечей спины и темени могил,
корявый посох, голая ладонь
на посохе, нечуткая к занозам,
и, вопреки сугробам и заносам,
путь пеший на мерцающий огонь.
Не тронь меня, пока я шевелю

* * *

губами, вычисляя расстоянье
до таянья снегов, до расставанья
души и тела и пока листаю
губами теплыми снежинок стаю,
стремящуюся к вечному нулю.
Взгляну вокруг, но Имени... Шагай
и дальше вдоль

по занесенным вешкам,
по опустелым до весны скворешням
(«и этот воздух, воздух вешний»,
такой не то что бы нездешний,
но не теперешний...). Вороний гай
кругами над протоптанной тропею,
толпою бесов, смешанных с пургою,
облавою черно-белой за тобою...
Но там, вдали, мерцает.

Так шагай.

* * *

Мой ненаписанный дневник
похож бы был на кучу книг,
на кучу не моих историй,
немых любовных траекторий,
на выцветавший петит
давно умолкших разговоров,
где горничная кипятит
холодный чай для жарких споров,
где сам герой похож на тень
холодную в горячий день,
а героиня либо в спячке,
либо в классической горячке,
и это я была бы ею,
теряла бы в кустах камео,
роняла письма и платки...
Но век не тот, и время сжалось,
бумага чистая слезалась,
по ней летящая строка
не прочертила завитка,
и, пролистав бумаги десть,
вы не найдете, что прочесть, —
бело и пусто. Но оно
и к лучшему...
Мой ненаписанный дневник
убережет мои обманы,
чтоб любопытный не проник
в мои небывшие романы.

Вот оно, теплое небо,
вот он, сходящий свет,
вот оно, все, что немо,
заговорило в ответ,
заговорило, запело,
закололо, закололо,
облако белопенно
к нам возглаголило,
травы шептали тихо,
лес голосил что есть сил,
тенькала паутина
между поющих осин,
яблоко к речи поспело,
с крынками спелся плетень,
и подползти не посмела
молчаливая тень.

* * *

Я жажду здравого смысла
и ясного света дневного,
но шляюсь по свету ночами
и брежу неведомо чем.
Горят в календарике числа,
окно загорается снова,
шипит подоконник свечами,
и брезжит рассвет на плече.
И ясного света дневного
глазницы, в горящие окна
установка, как в зеркале мутном
не видят, не видят ни зги.
И белого снега обнова
грязнеет и топчется мокро,
когда проскрипят переулком
предупренние шаги.
Я шляюсь по свету ночами,
под утро валяюсь, и под лампой,
проползши в неплотную раму,
листает страницы сквозняк.
И снится мне все, как вначале,
и ясной мохнатою лапой
на здравого смысла программу
поставлен отчетливый знак.